

Л. В. АССИАР

**Силуэты революции.
Керенский на фронте**

КЕРЕНСКОМУ

Тяжел твой путь, — но подвиг честный
Ты смело принял, как герой,
И на рамена ношей крестной
Подъял судьбу земли родной...
Ты жжешь сердца глаголом вещим,
Восторгом пламенным своим,
И перед будущим зловещим
Твой гордый дух неукротим.
Сам гражданин, ты видишь в русских
Не возмутившихся рабов,
Не себялюбцев, злых и узких,
А стойких граждан и борцов.
Молясь отчизне, как святыне,
Ты веришь, что твой смелый глас
Не вопиет в глухой пустыне,
А будит доблесть в грозный час.
Зови же громче в бой священный
В решительный, последний бой,
Чтобы война — позорь вселенной —
Была побеждена войной.
Зови нас жертвовать собою, —
Но если на призыв борьбы
Мы не пойдем вперед с тобою,
Как малодушные рабы, —
Тогда признай мечтою дикой
Свободы русской торжество,
И, сбросив с плеч свой крест великий,
Поставь над родиной его!..

Петр Оленик-Волгарь

От составителя

Тяжелое наследие досталось народам свободной России от царского правительства.

- Пустая государственная касса.
- Продовольственная разруха.
- Расстроенный транспорт.

И над всем этим тяжелым кровавым кошмаром нависла война.

Сейчас, после трех лет войны, в душе каждого, несомненно, живет горячее желание мира.

Но вместе с тем каждый истинный гражданин сознает, что нельзя разрешить вопрос о войне и мире в соответствии со своим желанием.

Вопрос этот должен быть решен не иначе, как в соответствии с требованием общего блага всего государства.

Вокруг вопроса «быть или не быть войне?» в конце апреля политически слезы разгорались до степени пожара.

Резкие столкновения происходили не только на столбцах прессы, на митингах и собраниях — сперва были вынесены на улицу, загремели выстрелы, полилась кровь...

Временное правительство признало для себя невозможным оставаться дальше в прежнем составе.

Правительство реформировалось по принципу коалиционности, т. е. союза представителей буржуазии и пролетариата.

В состав его вошли пять социалистов: министр иностранных дел П. Н. Милюков и военно-морской министр А. И. Гучков вышли из его состава.

В новом, коалиционном правительстве пост военно-морского министра занял бывший министр юстиции Александр Федорович Керенский.

Как истинный социалист, Керенский с первых же шагов своей деятельности военно-морского министра заговорил с солдатами и матросами языком старшего товарища, первого среди равных...

Как министр и закаленный в боях партийный работник, Керенский бесповоротно вступил на путь неумолимый дисциплины.

Заняв пост военно-морского министра, Керенский объехал фронт действующей армии, где прочитал ряд горячих речей, призывал солдат и офицеров к тесному единению во имя спасения родины и завоеванной свободы.

Не только русский солдат, но никакой солдат в мире никогда еще не слышал слов, в которых столь счастливо сочетались безграничная любовь к свободе с железным пониманием дисциплины.

Речи Керенского поставили русского солдата в исключительное положение: выслушав эти речи, ни один солдат не смеет оговариваться непониманием того, как должен вести себя солдат-гражданин, свободный солдат великой русской революционной армии.

Речи Керенского, произнесенные на австро-германском фронте русской армии в мае 1917 года, — достояние истории. <...>

На Юго-Западном фронте

12 мая Керенский прибыл в ставку командующего Юго-Западным фронтом (ныне верховного главнокомандующего) генерала Брусилова.

В ставке ген. Брусилова.

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ, 12. V. Сегодня, в 9 час. с экстренным поездом в ставку генерала Брусилова прибыл военный министр А. Ф. Керенский.

На вокзале для встречи дорогого гостя был выставлен почетный караул. Прибыл генерал Брусилов со всеми высшими чинами штаба.

Генерал Брусилов приветствовал министра краткой речью, в которой выразил радость, что армия Юго-Западного фронта видит первого военного русского министра-демократа.

А. Ф. Керенский обошел караул и благодарил революционные войска за службу отечеству.

На приветствие министра: «Здорово, товарищи!», солдаты отвечали: «Здравия желаем, господин министр!».

А. Ф. Керенского сопровождают начальник кабинета военного министра подполковник Барановский¹ и адъютанты полковник Киркин² и подпоручики Венер³ и Григорьев.

Вместе с военным министром в ставку Брусилова прибыл французский министр-социалист Альбер Тома⁴ в сопровождении военного атташе генерала Вальша⁵, полковника Ляндлея⁶ и главного начальника Киевского военного округа Обручева⁷.

Многотысячная толпа горожан, собравшаяся с представителями городских общественных и государственных учреждений и организаций во главе, для встречи военного и морского министра, при появлении А. Ф. Керенского устроила ему бурную овацию.

Раздались крики:

— Вождю русской демократа ура! Да здравствует герой Керенский! Ура народному министру!

А. Ф. Керенский раскланивался с толпой и посылал воздушные поцелуи.

Толпа с криками «ура» бежала за автомобилем министра.

А. Ф. Керенский, вместе с Альбером Тома, после своей речи на съезде делегатов Юго-Западного фронта был вынесен на руках из зала заседаний съезда.

Огромная толпа горожан весь день стоит перед домом, в котором живет генерал Брусилов, в ожидании появления министра.

В час дня в офицерском собрании штаба состоялся обед, на котором присутствовали А. Ф. Керенский, Альбер Тома, генерал Брусилов и все офицеры штаба.

В ответ на здравицу, провозглашенную генералом Брусиловым в честь военного и морского министра, А. Ф. Керенский в ответном тосте сказал, обращаясь к офицерам:

— Я надеюсь, что товарищи-офицеры, захваченные революционной волной, пойдут навстречу солдатам. Вы найдете в себе достаточно твердости и мужества, чтобы пересоздать русскую армию на основах свободы, и она превзойдет все армии мира, построенные на старом режиме, к этому я призываю вас, товарищи-офицеры!

Слова А. Ф. Керенского были покрыты громовым «ура».

В 10 час. утра А. Ф. Керенский, в сопровождении генерала Брусилова и Альбера Тома, посетил заседание съезда солдатских и офицерских делегатов Юго-Западного фронта, где в это время шли прения по вопросу о войне и мире.

Появление А. Ф. Керенского среди делегатов съезда вызвало бурю аплодисментов, перешедших в овацию.

Президиум предлагает съезду приветствовать первого военного министра демократа России.

— Мы, товарищ Керенский, — сказал председатель унтер-офицер Емельянов, — просим дела, чтобы доказать, как мы все любим и уважаем вас. Прикажите, и мы на деле докажем вам, что русский народ и его армия созрели для пользования всеми благами свободы. От лица армий Юго-Западного фронта мы приветствуем вас и обещаем, что не положим оружия, пока не закрепим за собой добытой свободы. Да здравствует первый борец за свободу, военный министр Керенский!

Восклицание председателя дружно подхватывается сотнями голосов.

В свою очередь, А. Ф. Керенский восклицает:

— Да здравствует русская революция! Да здравствует наша революционная русская армия, непобедимая, как воля народа! Ура! Крики, шум, аплодисменты вспыхивают с новой силой.

Выждав несколько минут, пока в зале воцарилась тишина, А. Ф. Керенский произнес горячую речь:

— Товарищи солдаты и офицеры. Я приехал к вам не для того, чтобы произносить горячие речи, не для того, чтобы пожинать лавры оратора, не для того, чтобы вести прения и партийные споры о том, кто лучше понимает цели революции, а для того, чтобы рассказать о тяжелом положении страны, для того, чтобы закрепить свободу, которую мы завоевали с таким трудом, низвергнув старый режим во имя благ трудящихся масс. Перед нами теперь стоит вопрос: хотим ли мы остаться свободными или мы хотим вернуться к старому, под власть тех же низвергнутых тиранов?

(Голоса: «Нет, никогда»).

Если вы говорите «нет», то вы должны сознавать, что свобода и счастье не даются даром. Разве 3 месяца назад думали вы, что вот вы соберетесь на съезде Юго-Западного фронта как равноправные граждане, будете свободно обсуждать свои нужды и что к вам придет говорить от имени власти не Сухомлинов, либо Шуваев⁸, а я.

(Бурные аплодисменты.)

Прежде чем решить вопрос, что делать завтра, подумайте, товарищи, о прошлом. Вспомните те ужасы царизма, которые вы переживали. Вспомните о той старой глупой бабе, которая слишком много хотела и наконец оказалась снова у разбитого корыта.

(Рукоплескания.)

Я не хочу, товарищи офицеры и солдаты, как ваш министр навязывать вам свои взгляды. Я хочу говорить как гражданин, который в самые темные моменты русской реакции рисковал говорить правду.

(Бурные аплодисменты. Крики: «Браво, Керенский!»)

Только в правде человечество найдет счастье. Только правдой человек завоеует себе место под солнцем.

(Аплодисменты.)

Легко вести людей по дороге радости. Разве я не знаю ужаса страданий, дорогие товарищи солдаты и офицеры? Разве я не знаю, что вы претерпели, будучи армией Романовых и Распутиных? Я бы мог сказать вам: «Вы свободные люди! Идите домой! Там ждут вас земля и воля!». Темные люди пойдут за таким призывом. Они не виноваты в том. Их никто не учил. О них никто не заботился.

Но тогда погибнет армия, а с ней погибнет свобода. Погибнет русская революция.

(Возгласы: «Ни за что не выдадим!». Рукоплескания.)

Я говорю: путь к свободе лежит через страдания. Кто не имеет мужества перенести их, тот не достоин свободы. Вы, которые оставили за собой миллионы голодных наших граждан, если вы покинете фронт, не к земле и воле вы пойдете, а потеряете навеки землю и волю.

(Бурные аплодисменты, переходящие в овацию.)

Чего хотим мы, чего хочет русский народ, чего хочет русская революция? Русский народ никогда не был захватчиком! Мы испытали на собственной шкуре, мы не хотим быть насильниками. Русский народ и его Временное правительство составили себе задачу кончить войну и протянуть народам не вооруженный кулак, а руку, братскую руку, во имя счастья всех трудящихся масс.

(Шумные овации.)

Путь этот труден. Он требует много гражданского мужества и героических усилий. Мы должны добиться того, чтобы русская революция была не только силой моральной, но и физической силой для тех, кто хочет вас презирать и с нами не считаться.

(Рукоплескания. Возгласы: «Браво!». «Правильно!»)

Вас смущают братанием. Я как военный министр говорю вам, что это недопустимо. Мне ваши товарищи солдаты сообщили, как, вследствие братанья, неприятель, высмотрев наши укрепления, расстреливал наши батареи, которые до того он не мог даже обнаружить воздушной разведкой.

(Возгласы: «Верно!». «И не такие случаи были».)

К вам, товарищи, под видом друга идут враги, которые не брезгают никакими путями, чтобы достигнуть своего, а потом смеются над вашим доверием.

(Взрыв аплодисментов.)

Я не буду говорить о том, что русское государство — самое теперь свободное государство в мире. Но что ныне творится у нас, — это не обман. И это в то время, когда в Германии Либкнехт⁹ сидит в тюрьме.

(Рукоплескания.)

Я зову вас не на возмущение. Я не хочу разжигать в вас слепой ненависти, а хочу, чтобы вы могли в глубине своей совести найти ответ, стоит ли защищать не монархию, а самую свободную республику в Европе.

(Бурные аплодисменты. Крики: «Стоит. Умрем, а не отдадим свободу!»)

Товарищи, свобода — это не произвол, это не каприз. Только самодержавный монарх с кликой своих приближенных управляет страной по своему произволу. В свободной стране правит народ. Государство обязано подчиниться свободной воле большинства. Пусть каждый свободно думает, свободно говорит. Но никто не имеет права заставлять насильно волю большинства, быть маленьким самодержцем. Министры Гучков и Милюков забыли это, пошли против воли народа, и они должны были сойти с арены.

(Рукоплескания. Крики: «Туда им и дорога!»)

Вот от имени этого большинства, от имени всей страны, от имени правительства я призываю вас подчиниться воле народа и Временному правительству, действующему в полной солидарности с солдатскими, крестьянскими, офицерскими и рабочими массами! Временное правительство говорит то, что думает весь народ! Вы, товарищи солдаты и офицеры, вы носители воли большинства, — вам народ отдает все свои надежды, все свои мечты о будущем счастье трудящихся масс. Бросьте страх! Ведь вы революционеры, а я ваш военный министр социалист-революционер!

(Бурные аплодисменты.)

Мои товарищи социалисты-революционеры умирали один за другим в борьбе с самодержавием. Если вам предстоит почетная смерть на глазах всего мира, позовите меня. Я пойду с ружьем в руках впереди вас!

(Гром рукоплесканий.)

Мы на карту поставили судьбы миллионов людей. Вперед, на борьбу за свободу, не на смерть, а на пир я зову вас! Мы, деятели революции, имеем право на смерть!

(Снова гром аплодисментов. Возгласы: «Мы идем за тобой, товарищ. Вперед, за свободу!»)

Я ехал от Гельсингфорса. Меня всюду встречали тысячи крестьян, мужики, бабы. Они, чувствуя грозную опасность, повисшую над страной, говорили мне: «Мы вам верим. Вы спасете нас!».

Я отвечал: «Не мне верьте, а тем, кто на фронте. Они вас спасут. Даю вам честное слово!».

(Рукоплескания. Возгласы: «Не обманем. Постоим за матушку Русь!»)

Товарищи! Все мы получили все, о чем мечтали. Возьмите наших непримиримых товарищей, крайних социалистов. Думали ли они 3 месяца назад, что они сегодня получают право говорить свободно? Я приветствую тех, кто не останавливается ни перед чем для достижения своей идеи. Каждая честная мысль священна. Но к ним одна

просьба истерзанной, истекающей кровью России, одна просьба: подождите хотя два месяца.

(Взрыв аплодисментов.)

К вам, огромному большинству русской армии, я обращаюсь как министр, назначенный не одним лицом, а волей народа.

(Возгласы: «Браво!». Дружные рукоплескания.)

Закуйте свои души. Прогоните людей, которые поставили свой сапог на землю, которая им не принадлежит. Вы самые свободные солдаты мира. Разве вы не должны доказать миру, что система, на которой строится ныне армия, — лучшая система. Разве вы не докажете другим монархам, что не кулак, а совесть есть лучшая сила армии.

(Возбужденные возгласы: «Докажем!»)

Так вот, если Временное правительство и ваш главнокомандующий вам прикажут, вы должны пойти за ними. Ваша армия при монархе совершала подвиги. Неужели она при республике окажется стадом баранов?

(Буря аплодисментов. Крики: «Нет, никогда!»)

А. Ф. Керенский, сильно взволнованный, делает шаг к Брусилову и говорить далее:

— Перед вами, генерал, я преклоняюсь и благодарю! И еще кланяюсь той серой массе русского народа, который потом и кровью создавал страну.

(Аплодисменты.)

Самая свободная армия в мире! Вы все имеете права. Вы имеете армейские, корпусные, дивизионные, полковые, ротные комитеты, советы солдатских депутатов, пользующиеся моим глубочайшим уважением. Без них мы ни одной минуты работать не можем и не станем.

Дайте мне возможность найти путь, который приведет к торжеству революции, сделает Россию свободной, могучей, счастливой. Ни кому так не близка родная душа народа, как вам. В то время, когда многие военные люди, изучавшие военное дело десятилетиями, отказывались взять пост военного министра, я, невоенный человек, я взял его!

(Рукоплескания.)

Я не могу поверить, чтобы Россия, свергшая проклятый царизм, могла умереть. Я верю в победу. А вы, главнокомандующий, будьте спокойны. Все пойдут туда, куда вы прикажете!

(Буря аплодисментов. Крики: «Пойдем! Ведите нас! Ура! Да здравствует Керенский! Да здравствует Брусилов! Да здравствует свободная Россия!» Овации продолжаются несколько минут.)

Взволнованный министр в изнеможении опустился на стул.

Ответ генерала Брусилова

Генерал Брусилов, потрясенный, обнимает министра.

Затем главнокомандующий в волнении обращается к собранию:

— Товарищи солдаты и офицеры! Я спрашиваю вас: могу ли я от вашего имени сказать нашему дорогому военному министру, что мы исполним свой долг перед родиной? (Раздаются аплодисменты, крики «ура», дружный ответ: «Просим, просим!»)

Могу ли я, — продолжает генерал Брусилов, — от вашего имени сказать товарищу Керенскому, что мы его любим, уважаем, верим ему и будем исполнять беспрекословно то, что он прикажет? (Крики: «Просим! Ура! Идем за ним, куда он прикажет!». Овациям долго нет конца.)

Керенский на позициях

В 8 часов утра 13-го мая Керенский, сопровождаемый ген. Брусиловым и некоторыми чинами штаба, выехал на расположенный в районе позиции Юго-Западного фронта.

Всюду Керенского встречали овациями, криками: «Ура!», «Да здравствует свободная Россия!», «Да здравствует революционная армия, которая борется за русскую волю и русскую землю!», «Да здравствует Керенский!», «Братанье с врагом позор!» и т. д.

Керенский выступал с речами на нескольких митингах, где в общей сложности участвовало много тысяч солдат.

В этот день достойны быть отмечены два эпизода:

Министр приехал в 113 дивизию, недавно уведенную с фронта ввиду отказа нести окопную службу.

Керенский обратился к солдатам со следующей речью:

— Я приехал к вам, — заявил министр, — не для того, чтобы приказывать вам как военный министр. Я приехал сюда, чтобы рассказать вам, что думает Временное правительство, которое до Учредительного собрания представляет волю народа. Я заявляю вам, что наша свобода навсегда передана в руки народа. Нет теперь в России такой власти, которая управляла бы посредством произвола. Теперь всякий сам кузнец своего счастья, каждый обязан своим трудом строить государство. Один сеет, другой торгует, третий работает на фабриках и пр. А солдат с ружьем в руках защищает свободу нации и страны.

— Не думаете ли вы, что теперь, когда русская земля стала свободной, вы можете уходить домой? Дезертирство это преступление.

Кто бежит из армии, тот изменник и предатель. И дома у себя он встретить презрение.

— Правда ли то, что думает немец, а именно, — что русские войска без царя не могут драться, что русскому солдату нужна не свобода, а нагайка, ибо без нее он бездействует тогда, когда Вильгельм снял свои лучшие полки с нашего фронта и послал их против самого свободного народа — Франции?

В ответ грянуло дружно:

— Не бывать тому! Ведите нас в наступление!

— Если так, — вскричал министр, — то да здравствует 113 дивизия! Да здравствует революционная армия!

Когда стихли крики «ура», один из солдат дивизии попросил разрешения сказать слово.

Взойдя на трибуну, устроенную на столбах среди поля, и указывая на министра, солдат со слезами на глазах сказал:

— Товарищи, впервые за 3 года страданий мы, солдаты, услышали здесь ласковое слово. Его сказал представитель Временного правительства, наш военный министр, товарищ Керенский. Слышали ли вы, товарищи, что говорил он? Не забудете ли вы его слов? Стыдно нам теперь за то, что мы дали себя обмануть злым, темным людям. Товарищи, Временное правительство требует, чтобы мы шли умирать за свободу. Неужели мы не докажем, как мы любим свободу и Россию? Ура, товарищи! Умрем, а не выдадим свободы.

Генерал Брусилов в заключение сказал:

— То, что было, уже забыто, раз дивизия дает слово исполнить свой долг!

Солдаты ответили криками «ура» и, подняв на руки ген. Брусилова и А. Ф. Керенского, отнесли их в автомобиль. Другой эпизод еще ярче иллюстрирует то огромное влияние, которое оказывают на солдат вдохновленные и искренние слова Керенского.

Керенский посетил полк, встретивший министра флагами и плакатами с надписями: «Долой войну!».

А. Ф. Керенский, обойдя строй, не поздоровавшись с полком, велел вызвать исполнительный комитет и командира полка.

— Почему полк не выходит на занятия? — сурово спросил министр председателя комитета. — Что значат эти плакаты?

Тот поспешил объяснить, что полк желает, чтобы был заключен скорее мир, так как все устали от войны и измучались. Кроме того, они не желают иметь командиром полка недавно назначенного полковника, которого никто не знает, а хотели бы

иметь командиром одного из своих офицеров, которого все любят и доверяют.

— Вы хотите заключения мира? — произнес Керенский. — Но знаете ли вы, что такой мир был бы теперь позором для России и смертью свободе. Это говорит вам не Сухомлинов, а я, Керенский. Мне стыдно, что в русской армии я встретил такой полк!

Председатель комитета и солдаты были сильно смущены.

Из солдатских рядов раздались восклицанья: «Позор!». «Убрать флаги!»

Плакаты «Долой войну!» немедленно исчезли.

— В таком случае, — заявил А. Ф. Керенский, — если будет командиром полка назначено то лицо, которое вам желательно, даете ли вы мне слово, что ваш полк будет самым храбрым полком на всем Юго-Западном фронте и во время наступления пойдет впереди всех?

В ответ раздалось единодушно:

— Даем! Даем!

— Господин главнокомандующий, — обратился тогда А. Ф. Керенский к генералу Брусилову, — ходатайствую перед вами о назначении командиром полковника (он назвал фамилию). Даю слово, что этот полк по первому вашему приказанию пойдет в бой впереди всех.

Раздались громкое «ура» и крики: «Да здравствует свобода!.. Да здравствует товарищ Керенский!».

— Вы слышали, товарищи, что я дал за вас слово. Вы не сделаете меня лгуном?

— Не сделаем! Ура! — был ответ.

— Так давайте мириться, товарищи, — закончил министр и расцеловался с председателем комитета и командиром полка.

На грандиозном солдатском митинге, среди красных флагов и знамен, также были два флага с лозунгами «долой войну».

После речи А. Ф. Керенского флаги эти были порваны солдатами.

Революционной армии не нужны трусы

Еще более яркий эпизод, характеризующий всю несостоятельность лозунга «Долой войну!» перед лицом искренней любви к свободе и родине, произошел в районе Риги.

Здесь Керенский говорил с солдатами дивизии, разъясняя им, что армия свободного революционного народа должна быть могущественнее прежней армии царей. Она должна внушать уважение друзьям и старым врагам.

Министру стал возражать один из солдат, который обратился к Керенскому с вопросом.

— Зачем мне земля и свобода, — продолжал он, — когда меня убьют? Нам нужен мир, а не свобода.

А. Ф. Керенский, на красноречие которого реплики солдата подействовали разжигающе, стал образно доказывать ложность, извращенность, гражданскую несостоятельность тенденций большевизма.

Все это время солдат, угрюмо смотревший на министра, перебивал его отдельными бессвязными, нечленораздельными выкриками, наконец, воскликнул:

— Нам надо войну кончать мирно!

В этот момент А. Ф. Керенский, подойдя вплотную к солдату, глядя в упор, резко негодуяще воскликнул:

— Молчать, когда говорить военный министр!..

Наступила долгая мучительная пауза. При абсолютной тишине, при молчании потрясенных солдат прошло полминуты. А. Ф. Керенский, все время смотревший в зажженные злым огнем глаза солдата, продолжал речь, говоря о борцах за свободу, о желании некоторых в эту тяжелую минуту прикрыть великими идеями мира затаенные шкурные интересы, позорную трусость рабов и закончил словами:

— Я докажу, что революция — не анархия, а власть.

Вдохновенная речь произвела потрясающее впечатление на солдат, среди которых уже зазвучали ноты протеста против выступления большевика, раздались выкрики, что этот солдат выступает только от своей совести, но не от совести и убеждений собравшихся.

— Командир полка, — перервал солдат А. Ф. Керенского, — приказываю вам освободить этого солдата от военной службы. отошлите его в деревню, опубликуйте в приказе, что революционной армии не нужны трусы.

Насупила гробовая тишина. Солдат побелел и беззвучно упал ничком в глубоком обмороке.

А. Ф. Керенский вдохновенным взором, смотря поверх толпы, продолжал речь, не обращая внимания на упавшего солдата, которого унесли лишь по приказанию генерала Радко-Дмитриева¹⁰.

— Каждый солдат, — говорил Керенский, — должен не только хотеть жить, но и умереть за великие идеалы революции. Этого требует от него разум раскрепощенного человека.

Пламенная речь министра вызвала бурю долгих оваций.

Заключение

Возвратившись в Петроград, Керенский донес Временному правительству, что положение на фронте опасения не внушает и что в некоторых местах замечается даже особый подъем.

Поездку Керенского на фронт можно охарактеризовать следующими словами:

Это была борьба правды, разума, света с обманом, недомыслием, тьмой...

Слова Керенского звучат так вдохновенно, потому что они искренни, потому что Керенский глубоко верит тому, что говорит, глубоко верит, что свет победит тьму...

Верим этому и мы...

